

Тёма Шумов

Дороги, которые нас выбирают

18+

Тёма Шумов

Дороги, которые нас выбирают

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66566450

SelfPub; 2024

Аннотация

Последний ночной поезд. Незнакомая женщина подсаживается к Егору и затевает странный разговор. Кто она? Помешенная наркоманка? Прорицательница? Откуда она знает его имя и почему говорит, что следила за ним всю его жизнь? Размышляя над ее словами он даже не замечает, что конечная станция этой ночью выглядит необычно пустынной и зловещей – не замечает, что уже идет по дороге, которая приведет его к столкновению с убийцей и тайной, которая изменит всю его дальнейшую жизнь.

Тёма Шумов

Дороги, которые нас выбирают

1

«Станция «Щелковская». Конечная. Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны», – раздалось над головой. Погруженный в свои мысли, Егор послушно вышел в распахнувшиеся двери, совершенно не обращая внимания на пугающую и необычную пустоту станции. Странная молодая женщина, которая под села к нему на «Площади революции» не шла из головы.

Какое-то время она сидела рядом с ним молча, а затем неожиданно наклонилась к самому уху и спросила:

– Что думаешь?

Он удивленно посмотрел на нее.

– Вы это мне? – Егор не привык становиться объектом женского внимания. Природа не наделила его брутальной красотой, он не блистал спортивными достижениями и успехами в учебе, но всегда реально смотрел на вещи: в особенности на собственные перспективы в ближайшем будущем. Вся его жизнь казалась ему давно predeterminedенной как Ар-

батско-Покровская линия метро. Отправившись из Крылатского, он окажется в Измайлово. И по-другому не будет. Закончив магистратуру, пойдет на неинтересную работу с идидом начальником. Влившись в коллектив, со стороны похожий на коллекцию пауков в банке из-под леденцов, дождет-ся того, что секретарша этого самого начальника объявит, о своей беременности и потащит Егора в ЗАГС. Может быть, поначалу он даже будет с ней счастлив, но вскоре она растолстеет, родит двух отвратительных, вечно орущих и непонятно чего требующих, детей, и примется каждый вечер изводить его претензиями, обвиняя в несоответствии своей жизни глянцевым идеалам из дамских журналов. В результате он начнет пить, все больше погружаясь во тьму беспросветной депрессии, пока не сдохнет где-нибудь за Можаем – в гостиничном номере полном одиночества и тараканов.

– Что думаешь об этом всем? – попутчица выглядела несколько старше Егора. Из-под расстёгнутой куртки проглядывала вытянутая футболка со странным принтом – нечто среднее между змеем и слизнем-переростком обвивало расколотые могилы и разбросанные окрест черепа. Под отвислым воротом имелась надпись в германо-готическом стиле, которую он не смог разобрать с первого взгляда. Бесформенная одежда скрывала излишне худую фигуру, растрепанный неопрятный пучок на макушке скрывал маслянистость редких волос.

– Извините, я вас не понимаю, – у него не было никако-

го желая дискутировать со случайными попутчиками, но женщина наклонилась еще ближе. Прогорклый запах заскорузлого воротника футболки, замешанный на сладковатом плесневелом амбре подвальной сырости, словно густая болотная жижа потек по щеке; на вдохе проник в грудь, наполняя ее обжигающим смрадом, вынуждая отстраниться и задержать дыхание.

Холодные пальцы схватили и сжали его ладонь. Егора передернуло. Ее прикосновение меньше всего походило на прикосновение живого человека. Он сбросил руку женщины, и вышло это чуть резче, чем он рассчитывал.

– Разве тебя никогда не посещала мысль, что окружающий мир не такой, каким кажется. Разве тебе не казалось, что ты рожден для чего-то большего?

– Вы пьяны? – он вырвал руку и встал чтобы пересесть на другую сторону, тем более что почти весь вагон был свободен (кроме них в нем находилось еще двое – мужчина столь же бомжеватого вида, что и его странная собеседница, и девушка с разноцветными волосами, дремавшая у самых дверей). – Оставьте меня в покое, дамочка! Вы когда в последний раз мылись?

– Я знаю, о чем ты думаешь, Егор. Ты считаешь, что любая дорога может вести тебя только из пункта А в пункт Б. Так тебя учили в школе. Так тебе говорит твой жизненный опыт. Но что, если ты ошибаешься?

– Откуда вы знаете мое имя? Мы знакомы? Вы что, сле-

дили за мной?

– Мы знакомы гораздо ближе, чем ты представляешь. И следила за тобой я всю твою жизнь. Ни на день я не выпускала тебя из вида. Потому что все эти дороги, рельсы, шпалы, усыпляющий перестук, убаюкивающее покачивание – все это иллюзия. И в глубине души ты знаешь это. Не так ли?

Она встала вслед за ним. Состав начал торможение, и женщина навалилась на него своим почти невесомым телом. Карие глаза сверкнули, на миг превратившись в два янтарных шарика, внутри которых пылал метущийся огонь.

– Просто не удивляйся, – женщина с силой ткнула его пальцем в грудь, – если однажды даже двигаясь по туннелям метро, ты вдруг окажешься совсем не в том месте, в котором ожидал оказаться. Чтобы не случилось, ничему не удивляйся и сохраняй волю и страсть избранного.

Она подмигнула и отошла к дверям. За стеклами вагона вспыхнул яркий свет станции «Первомайская» с ее красными мраморными колоннами и белой плиткой на стенах.

Теперь медленно шагая вдоль замерших, будто затаившихся вагонов он пытался понять, откуда эта женщина знала его имя. Он был уверен, что никогда не видел ее раньше: она была из тех людей, встретив которых даже мимоходом на улице, вы не смогли бы забыть не при каких обстоятельствах. Причина этого не в красоте, не в неуловимом магнетизме, харизме или особых энергетических полях: причина внутри

каждого из нас – упрятана за архетипическими образами, за смутными тенями нашего или чужого прошлого.

Что-то было в ее лице такое, что заставило Егора содрогнуться. К его шее будто прикоснулось мерзлое дыхание, – будто сама смерть, стоя за спиной, склонилась к нему для поцелуя, – и студеной струйкой сбежало между лопаток, сдавило грудь и остановило сердце.

Перед тем как выйти она опять посмотрела на него и произнесла:

– Каждую ночь последний ночной поезд прибывает на конечную станцию. Словно человек прибывающий на последнюю станцию в его жизни и наивно полагающий, что его путь заканчивается с выходом из вагона. Но это не так. Иногда то, что ты раньше принимал за окончание пути, оказывается его настоящим началом. А все, что было до этого – лишь сон. В этом мире нет predetermined дорог. Даже наличие рельс не обязывает тебя следовать им. Однажды ты напьешься и, уснув, проедешь свою персональную конечную остановку. Где ты окажешься? Что и кто тебя там встретят? Не будет ли это началом нового, настоящего пути?

Гулкое эхо шагов разнеслось над безлюдной платформой. Егор остановился, озираясь по сторонам. Странная и непривычная тишина опустилась на плечи. Все выглядело так, будто кроме него здесь никого не было. Пустые вагоны все так же стояли с открытыми дверями: казалось, они приглашали его войти и отправиться в незабываемое путешествие.

Он подошел к лестнице. Станция «Щелковская» одна из тех станций «сороконожек», что опущена под землю меньше чем на семь метров. Здесь нет эскалатора, нет сталинского ампира, фресок и цветных карнизов. Типичный выкидыш из унылого и нищего хрущевского «совка». С платформы была видна большая часть мрачного вестибюля, ряд турникетов, кабинка дежурного.

Поднявшись на пару ступенек, Егор остановился. Он не мог сказать точно, что именно он услышал и услышал ли в действительности. Но в глубине живота, возникло и неприятно заворочалось ощущение того, что за ним наблюдают.

Егор огляделся. Обычно тут никогда не бывало так безлюдно: всегда где-то ходил наряд транспортной полиции, штрафующий всех за отсутствие масок и перчаток. И ночных пассажиров всегда было больше. «Щелковская» самая загруженная станция московского метро, от того неожиданная пустота на платформе казалась не просто странной – она казалась пугающей.

Он уже хотел, пойти дальше, когда услышал звук похожий на тихий сдавленный стон и следом за ним чуть более громкий и звонкий влажный шлепок.

– Твою ж мать, – пробормотал Егор.

По полу ближайшего вагона, как inferнальная дорожная разметка тянулась длинная кровавая полоса.

2

Он всю жизнь старался избегать конфликтов и по стран-

ной причине это ему удавалось. В детстве, в то время как его сверстники с остервенением дрались друг с другом, с родителями и со всем безумным миром, приходили домой с синяками на пол лица, с выбитыми зубами и в окровавленной одежде, Егор был словно заговоренный.

Без всяких сомнений тут встретились два одиночества, подсказал ему здравый смысл, два обозленных подростка, которые не понятно, что и кому хотят доказать. Этот эгоистичный кусок дерьма, имеющийся внутри каждого из нас, безапелляционно заявил, чтобы там не происходило это не дело Егора, и его оно не касается.

Иди своей дорогой, как поезд из задачки для первого класса, убеждал его здравый смысл. Но если бы люди всегда прислушивались к бляню этой испуганной овцы, прячущейся у них в душах, то их жизнь стала бы пресной, а все по-настоящему захватывающие истории так и не увидели бы свет.

Сквозь окна хорошо просматривался весь вагон. Он видел верхние части кресел, рекламные объявления и лимонные стены с другой стороны состава. А еще темные пятна на креслах, кляксы и разводы на стеклах.

Нет, что бы ни произошло здесь, это совсем не было похоже на разборку двух разгоряченных алкоголем петухов. Дела обстояли гораздо серьезней. Дела выглядели хреново.

– Где же бравая королевская гвардия, когда она действительно нужна, – разозлился Егор и крикнул предательски

дрогнувшим голосом. – Эй! Там кто-то есть? У вас все в порядке?

Вместо ответа опять повторился влажный шлепок – теперь уже отчетливый и не таящийся.

– К черту. – Он решительно двинулся к открытым дверям вагона. – Пошло все к черту.

3

Ухватившись за край дверного проема, Егор заглянул внутрь вагона.

Кровь была повсюду. Ей были перемазаны кресла и пол, испачканы ручки, забрызганы стекла. Кое-где она уже начала густеть, а где-то все еще растекалась веселыми ручейками, будто весенняя капель в аду.

В проходе на полу сидел двухметровый амбал. Длинный посеревший от старости фартук защищал черной траурный костюм от брызг. Абсолютно лысый череп блестел в ярком свете ламп.

Он погрузил огромные волосатые руки, выглядывающие из-под закатанных рукавов рубашки и пиджака, в пузатый старинный саквояж. Доставая из него всевозможные ножи, бугай рассматривал каждый и убирал в сторону, аккуратно выкладывая на ближайшее кресло.

Перед амбалом лежало тело молодого человека. Вскрытая грудная клетка белела костями. Безжизненные глаза удивленно смотрели на потолок.

Лысый удовлетворенно хрюкнул и, зажав в здоровом ку-

лаке небольшой ребристый нож, второй рукой извлек из распоротого живота парня длинный моток кишок, ловко подрезал и бросил в находившееся рядом ведро.

В ушах белели беспроводные вкладыши. Грохот ударной установки и рев гитар был слышен даже Егору. Мужчина шевелил губами, подпевая вокалисту. Иногда вместо шепота он выкрикивал отдельные слова и тряс лысой головой.

Из-за спины мужчины донеслось мычание. Прижимаясь к дверям, на полу сидела девушка с растрепанными соломенными волосами. Ее рот был заклеен скотчем, испуганные глаза блестели от слез и страха. Под носом засыхал тонкий алый ручеек. Наручники, защелкнутые на запястьях, пристегнуты к поручню.

Девушка умоляюще посмотрела на Егора и вновь громко замычала, силясь что-то сказать, словно пыталась прожевать клейкую ленту.

В этот момент, амбал в очередной раз мотнул головой, и вкладыш выпал из его уха, угодив точно во вскрытую грудную клетку трупа. Мужчина чертыхнулся и поднял голову.

Густые брови сошлись на переносице, и он посмотрел на Егора тяжелым взглядом. Запятнанной кровью рукой провел по черепу, вытирая сверкающие капельки пота на лбу и затылке, и на блестящей лысине остались бурые разводы.

– Зря ты вернулся, – произнес лысый, поднимаясь на ноги и выпрямляясь во весь свой немалый рост.

Устало вздохнув, он взял лежавший рядом с саквояжем

огромный двусторонний крюк, использующийся для подвешивания туш животных. Пиджак натянулся на широких плечах.

– Зря ты вернулся, – повторил мясник, сделав шаг в сторону Егора.

4

Уклонившись от крюка, Егор разворачивается и бросается к лестнице, крича нечто нечленораздельное. Впоследствии он даже не вспомнит, что именно кричал. Призывы о помощи, чередуются с отборной руганью в адрес отсутствующей полиции. Издавая безумные вопли, он мчится, перепрыгивая через ступеньки. Вестибюль, ранее казавшийся таким близким, неожиданно отдаляется и теперь выглядит абсолютно недостижимым. Лестница бесит своей бесконечностью.

Сердце бьется о ребра – бросается на них как буйно помешанный пациент, заключенный в изолятор, бросается на решетку, преграждающую доступ к свободе. А внутри, на обратной стороне души пылает отчаянье, недовольство и презрение к себе.

«Я не должен был бежать», – думает Егор, вспоминая наполненные отчаяньем глаза девушки, и мысленно обращается к ней, прося прощения и уверяя, что обязательно вернется, как только найдет помощь.

Егор пробегает турникеты и оборачивается. Мужчина, не торопясь поднимается за ним следом, будто специально да-

вая парню фору.

Внутри растекается тяжелый маслянистый жар паники. Он вытирает вспотевшие ладони о джинсы и бросается к окошку кассы.

Жалюзи опущены, но у него возникает ощущение, что сквозь щели пробивается приглушенный свет. Он стучит в толстое стекло, призывая на помощь спрятавшихся внутри сотрудников метрополитена.

– Помогите! Эй! Я знаю, вы там!

Кажется, внутри кто-то ходит? Но нет – это всего лишь его отражение. Если там кто-то есть, то он затаился и не желает выдавать своего присутствия.

Он мечется от стены к стене, как загнанный зверь и, наконец, замечает дверь служебного помещения. Егор дергает ручку, толкает её плечом, однако она не поддается.

Лысый, в развалку подходит к турникетам. Он само спокойствие и уверенность. Убрав оставшийся наушник в карман, он хмыкает и обращается к парню:

– Впрочем, так даже интересней, не находишь?

Егор подбегает к стеклянным входным дверям и понимает, что последняя его надежда на спасение рассыпалась и превратилась в труху. Створки застопорены, поверх ручек натянута цепь, сомкнутая кодовым замком.

Он прижимается лбом к холодному стеклу. Там за ним ночной город продолжает жить своей жизнью. По переходу идет пара молодых людей: она – опустив голову, на ходу на-

бывает текст на своем смартфоне; ее спутник – в клетчатых спортивных штанах, ставших модными после фильма Гая Ричи, – отрешенно разглядывает щели меж грязных плиток, которыми выложены стены.

Егор бьет кулаком в дверь, чтобы привлечь их внимание, но они даже не оглядываются. Человек в грязной куртке, катящий за собой дорожную сумку на миг оборачивается, смотрит в его сторону, а затем вновь опускает глаза в пол.

– Люди! – кричит им Егор. – Эй! Народ! Черт бы вас побрал!

Мясник за его спиной идет вдоль касс. Он поднимает руку и зажатым в ней крюком проводит по стеклам. Отвратительный скрежет разносится эхом по пустому залу и в этот момент раздаётся клацанье отпираемого замка, скрипит дверь в служебное помещение и появляется полицейский. Осоловевшими глазами он смотрит сквозь мужчину в запятнанном кровью фартуке, поглаживает толстую щеку с двухдневной щетиной и, потягиваясь, снимает с пояса рацию.

– Берегитесь! Убийца! – кричит Егор полицейскому, но тот не обращает ни на них никакого внимания.

Рация в его руке оживает, скрежеща и потрескивая. Перемигиваются зеленый и красный огоньки.

– Эй, чайник, – говорит он и прислушивается. – Ты где?

– Эй, кофейник, – доносится из динамика искаженный дребезжащий голос. – Все там же.

– Последний здесь. Всё, как и ожидалось. Можешь не то-

ропиться.

Полицейский вешает рацию обратно. Слышен тихий щелчок, когда защелкивается зажим. Бугай останавливается рядом и ухмыляясь отдает честь. Служитель закона смотрит сквозь него, потирает глаза и открывает дверь в служебное помещение.

– Нет! Стойте! Он прямо перед вами! Он убил человека! – Егор кидается к полицейскому, но тот не оборачиваясь, захлопывает дверь в комнату, из которой доносятся звуки работающего телевизора – приглушенный диалог, сменяемый тревожной музыкой.

– Упс, – мясник делает гротескно разочарованное лицо. – Какая незадача. Похоже, он тебя не слышал. Как всегда, наша бравая полиция глуха к простым гражданам. Не беспокой товарища. У него и так забот полон рот. Пошел, наверное, рисовать дополнительные палочки в отчете и составлять дела на бабушек, забывающих дома долбанные маски.

Лампочки по периметру вестибюля, ранее горевшие вполнакала, неожиданно вспыхивают ярче. Крюк, зажатый в поднятой руке амбала, сверкает в их свете.

5

Схватка была не долгой. Вначале Егору удавалось отбегать и уворачиваться, но в определенный момент кулак амбала достал его и отправил на пол. Удар пришелся в грудь. На несколько мгновений у него перехватило дыхание. Сердце замерло, но затем снова пустилось в неровном испуган-

ном галопе.

Амбал встал над ним, готовый вонзить крюк в шею. Егор, приподнявшись на локти, пополз от него, крутя головой в поисках чего угодно, что могло бы если не дать ему надежду на спасение, то хотя бы оттянуть миг смерти.

Он слишком молод, чтобы умирать. Как и девчонка, прикованная наручниками в вагоне. Как и труп что лежал на полу. Это будет несправедливо, если его жизнь оборвется так бестолково. Как говорилось в одной книге, название которой он давно позабыл: никто в этом мире не должен умирать девственником.

Спасение и надежду на иной исход драки ему дал разводной ключ, обнаружившийся у дверей под радиатором тепловой завесы. Вероятно, его обронил один из рабочих проверявших работоспособность системы перед наступлением осенних холодов.

Почувствовав неладное, мясник попытался схватить парня за шею и навалился на него всей своей тушей, но Егор оказался проворней.

Первый удар получился самым точным и пришелся амбалу чуть выше скулы. Голова мужчины дернулась, и он повалился на пол.

6

Пошатываясь, Егор спустился на платформу. Состав все еще стоял на путях с распахнутыми дверями. И где спрашивается машинист? Куда он смотрит? А может мясник до-

брался и до него?

Увидев входящего в вагон молодого человека, девушка замычала и попыталась встать на ноги. Подхватив ее под руки, он помог ей подняться, а затем бережно, насколько мог трясушимися руками, содрал ленту с ее губ.

– Где этот ублюдок? – спросила она, разглядывая пустую платформу

– Я его вырубил. Может быть убил. Я не знаю.

– Посмотри ключи от этих чертовых наручников, – растопырив пальцы, девушка с остервенением затрясла руками. – Он бросил их в свой чемодан.

Егор вытряхнул на кресла остававшееся в саквояже содержимое. Маленькие блестящие ключи оказались среди хирургического скальпеля и странной формы ножей.

– Давай быстрее. Открывай их.

Непослушными пальцами Егор вставил ключ в скважину. После двух оборотов наручники упали на пол, и девушка оказалась на свободе.

По лестнице скатился вопль разъярённого чудовища.

– Бежим, – прошептала она. – Очевидно, ты только разозлил его.

– Куда? Тут никого нет. А наверху...

Вспомнив полицейского и идущих по переходу людей, которые никаким образом не реагировали на его призывы о помощи, Егор замолчал. Происшедшее в вестибюле не поддавалось разумному объяснению. Лучше было о нем не вспо-

минать вовсе.

– Там лишь полоумный маньяк, – кивнула девушка. – Конечно, туда мы не направимся. Можно дойти по туннелю до Первомайской.

Девушка нажала на кнопку связи с машинистом и крикнула.

– Помогите, пожалуйста! Есть там кто-нибудь живой?

Но ничего не изменилось. Ответом ей была лишь тишина. Панель связи «пассажир-машинист» осталась безжизненной: не мигнуло ни одной лампочки, записанный голос не попросил подождать.

– Может просто не работает? – предположил Егор.

С лестницы донеслись тяжелые шаги.

Они нырнули в двери соседнего вагона и спрятались за креслами за мгновение до того, как на лестнице показался мясник. Спускаясь, мужчина на ходу вытирал измазанное кровью лицо и лысый череп, подолом задранного фартука.

– Студент, – вкрадчиво протяжно произнес он, осматривая сверху видимую ему часть платформы. – Ты где??

Хмыкнув, фальшивя и сбиваясь, бугай пропел две строчки известной песни группы «Король и Шут».

– Я их приводил в свой прекрасный дом. Их вином поил, и развлекались мы потом...

Девушка задрожала всем телом.

– Больной ублюдок, – прошептала она. – Он перерезал горло моему приятелю и выпотрошил его как долбанную ку-

рицу. Мне страшно даже представить, что бы он сделал со мной.

Егор выглянул из-за края кресла и тут же опустился обратно. Мясник спускался с последних ступенек продолжая распевать:

– Иногда у них легкий был испуг от прикосновений к нежной шее крепких рук.

Пальцы девушки больно сдавили его плечо.

– Это только в дурацких фильмах злодеи ведут долгие беседы со своими жертвами. В нашей сраной реальности он сделал это, не говоря ни слова. Просто вошел в вагон, подошел к нам и молча воткнул нож в горло Серёге.

– Красотуля! Я вернулся! – крикнул амбал. – Ты не представляешь...

Последнее слово оборвалось на середине и обернулось ревом обезумевшего от гнева животного.

– Сука!

Мясник выскочил на платформу, в бешенстве размахивая крюком.

– Это ты студент?! Отец видит, я не хотел причинять тебе боль, только напугать. Но это уже выходит за все рамки приличия! Верни ее мне, и я отпущу тебя! Давай договоримся как мужик с мужиком. Отдай девку и можешь проваливать.

Лысый бугай пошел вдоль вагонов, с остервенением ведя крюком по их блестящим бокам. Жуткий скрежет заметался между облицованных мраморной плиткой колонн.

Они в ужасе упали на пол и прижались к креслам.

– Не делай этого, – сбивчиво затараторила девушка. – Не отдавай меня ему. Ты же понимаешь, что он лжет. Он не пощадит тебя так же, как и меня. Не слушай его.

Егор навалился на нее и зажал ее рот рукой.

– Тебя что не учили в школе, что нельзя забирать чужую еду? А, студент?! – заорал маньяк, остановившись возле дверей вагона, в котором они прятались. – А ну выходи гадкий сучок! Если не выйдешь сейчас, то обещаю: когда я тебя найду, ты горько пожалеешь, что появился на свет. Я преподам тебе урок, который ты запомнишь на всю свою отныне недолгую жизнь!

Он стоял рядом. Они слышали его сбивчивое хриплое дыхание. Затем раздались частые удаляющиеся шаги, и в вагоне мигнул свет.

Двери неожиданно закрылись. Состав дернулся и медленно въехал в темный туннель.

7

Прошла, наверное, минута или больше, прежде чем они осмелились подняться.

– Как думаешь, он остался на «Щелковской»? – спросила девушка.

Ее голос окреп. Дрожь в теле утихла.

– Надеюсь.

– У тебя есть сотовый? Мой разбил этот козел. Это было первое что он сделал после того, как убил Сергея. Потом он

обшарил карманы у трупа и поступил таким же образом и с его телефоном.

– Точно. Как я забыл? Надо было просто позвонить, – Егор достал мобильный из внутреннего кармана куртки.

После третьей безуспешной попытки включить аппарат, он тяжело вздохнул и покачал головой.

– Что не так?

– Или он разряжен. Или повредился, когда мы дрались с мясником в вестибюле.

Девушка посмотрела на него с подозрением.

– Ты назвал его мясником? Почему?

– Мне показалось, он похож на того, кто профессионально занимается убоем скота. Крюк, с которым он бегал за мной используются в мясных отделах магазинов для подвешивания туш. Я видел такое.

– Вероятно, ты прав, – она задумчиво кивнула и продолжила. – Он очень быстро, за одно движение разрезал грудь Сереже, затем двумя взмахами распорол живот и принялся швырять органы в огромное ведро, не забывая чистить брюшину, соскабливая жир и срезая жилы. Ты слышал о том, чтобы по Москве разгуливал подобный маньяк?

– Нет. Слышал про козла, который насиловал женщин. Но говорят, это была выдумка журналистов.

– У него куча инструментов в чемоданчике. Прямо на все случаи жизни.

Она невесело усмехнулась.

– Нож для вырезки, нож для свежевания, молоточки для отбивных. Действительно, он профессионал в своем деле.

Туннель расширился и стал светлее. Состав плелся вперед. Рельсы то медленно расползались, то сходились. Вагон трясся и раскачивался, перебираясь через разъезды.

– Разве это не странно? Я всегда думал, что маньяки люди настроения и не в их привычках оттачивать свое мастерство и планировать нападения.

Она пожалала плечами. Стены, увитые толстыми проводами, окончательно расступились. Появились неширокие дорожки и деревянные переходы между путями. Медленно проплыли мимо огромные блоки питания и пара скамеек.

Заскрипев и содрогнувшись, состав окончательно остановился. Двери открылись, Егор спрыгнул на землю и подал руку девушке.

– Если поезд едет, значит, им должны управлять? Почему же тогда мне никто не ответил?

– Может это одна из новых беспилотных электричек? – предположил Егор.

Они направились к небольшой металлической лестнице, ведущей к пешеходному помосту, оканчивающемуся дверями.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Егор.

– Таня, – она протянула руку и он, стусевавшись, слегка пожал ее длинные пальцы.

Шаткий помост скрылся за стеной из переплетенного силового кабеля. Заскрипели петли тяжелой металлической двери. Егор выглянул в длинный полутемный коридор – лампочки, укрытые пыльными плафонами, подсвечивали лишь небольшие участки неровного бетонного пола; под потолком тянулись толстые трубы; впереди из сочленения капала вода.

– Я часто вижу страх в смотрящих на меня глазах, – раздалось у них за спинами и девушка, вскрикнув, прижалась к его груди. – Им суждено уснуть в моих стенах.

Мясник, улыбаясь, шел следом, волоча за собой выпотрошенное тело приятеля Татьяны. Из проткнутой спины, чуть ниже шеи, торчал крюк, и мужчина на вытянутой руке, без малейшего видимого усилия, тащил остывшее, выпотрошенное тело по гравию. В другой руке он держал большое пластиковое измазанное кровью ведро с человеческими внутренностями.

– Что ж вы убегаете? – крикнул он. – Не вежливо отказываться от приглашения на светский ужин! Тем более если вы приглашены на него в качестве основного блюда!

– Не стой, – Татьяна толкнула Егора. – Бежим.

8

Коридор сменился просторным помещением со стеллажами, забитыми продуктами. Их преследователь исчез.

– Куда он делся? Мне казалось, он идет за нами.

– Ох, не к добру все это. Вероятно, он свернул в один из тех узких проходов, что попадались нам по пути.

Пройдя вдоль огромных морозильных камер, мимо гигантской тележки, заваленной кусками мороженого мяса, они вышли на пустую кухню.

На разделочных столах стояли готовые блюда – большей частью мясные, – подносы с фужерами и закусками. В углу громоздились картонные коробки с пустыми бутылками из-под шампанского.

– Напоминает подвал ресторана.

– Тихо, – она дернула его за рукав. – Слышишь?

Егор различил тихий звон посуды и монотонный гул голосов десятков, а может сотен людей.

– Люди! Черт побери! Там люди! Мы спасены!

Он толкнул дверь, из-за которой доносились голоса и замер. Девушка уткнулась в его спину.

9

Мужчины в черных клубных костюмах и женщины в черных платьях сидели за овальными столами, меж которых сновали официанты, разносившие бокалы, наполненные игристым вином. За каждым столиком сидело по несколько человек. Большой частью это были пары преклонного возраста, но во всех чувствовалась та холеность, которую могли обеспечить только очень большие деньги. Гости возбужденно переговаривались и выжидающе поглядывали на возвышающуюся впереди сцену, у края которой торчала сиротливая микрофонная стойка.

У дальнего угла нашелся пустующий стол. Как и осталь-

ные он был изящно сервирован. В центре стояла вычурная лампа с бежевым тканевым плафоном. Табличка, прислоненная к лампе, извещала, что это место зарезервировано для неких важных персон. Из углублений в резных изогнутых ножках стульев, стоящих вокруг стола, за ними следили головы грифонов. Трехглавые орлы, вышитые золотой нитью на черных спинках, хищно раскрыли рты и высунули раздвоенные языки.

Егор и Татьяна осторожно присели на стулья, готовые подняться и бежать, как только на них обратят внимание. Но окружающие, похоже, были полностью поглощены созерцанием сцены, переговорами друг с другом и смакованием шампанского.

Свет, заливающий помещение, стал меркнуть, как в кинозале перед началом сеанса; раздались жидкие хлопки.

Через два столика от себя Егор заметил человека с двухдневной щетиной, который показался ему смутно знакомым. Он шептался со спутницей в длинном черном платье без рукавов. В отличие от большинства гостей этим двоим не было далеко за пятьдесят. Лицо мужчины лишь чуть тронули морщины, а женщины лишь чуть разгладили инъекции ботулотоксина.

Неожиданно зал взорвался овациями. На сцену вышла молодая женщина. Подойдя к микрофону, она подняла руку в знакомом всем жесте приветствия и аплодисменты тут же оборвались.

– Приветствую вас, господа! – произнесла она и от ее усиленного колонками голоса завибрировали пустые фужеры, стоявшие на столах гостей.

Егор подался вперед, вглядываясь в ее лицо и астеничную фигуру.

Женщина была одета в короткое красное платье, подчеркивающее стройность и длину ног. Егор мог поклясться, что совсем недавно на ней была вытянутая футболка со странным принтом, на котором то ли змей, то ли слизень обвивал могилы и черепа.

– Что здесь происходит, – прошептал он.

– Да, – согласилась Татьяна. – Жуткое сборище.

– Я о другом. Клянусь тебе. Не больше часа назад я разговаривал с ней в метро.

– Ты о чем? Ты с ней знаком?

– Нет. Она под села ко мне и заговорила загадками. Что-то о том, что в мире нет predetermined пути. И вот она здесь. Ты не находишь, что это чертовски странно.

– Не нахожу. Уж извини. Мясник, разделяющий у меня на глазах Серегу – вот это странно.

Она сказала это чуть громче, чем следовало. Ее голос отчетливо прозвучал в установившейся на краткий миг тишине, и Егор подумал, что вот сейчас то точно все обернуться в их сторону. Он даже привстал, ухватившись за край стола, но женщина продолжила говорить, и зал заполнился ее голосом.

– Прошел ровно год с тех пор, как мы собирались с вами в последний раз. Тяжелый год, полный тревог и переживаний, по поводу нашего общего будущего, по поводу того прекрасного нового мира, который мы приближаем с вашей помощью. Не буду рассказывать то, что вам всем и так хорошо известно, о том через какие тернии нам приходилось идти, как мы были вынуждены прятать и скрывать нашу светлую цель, оберегать ее от лишних глаз. Но прошел год и вот мы стали еще чуть ближе к вечности.

Только один человек посмотрел на них – тот мужчина, который выглядел несколько моложе большинства остальных гостей и показался Егору смутно знакомым.

Их взгляды встретились и мужчина, ухмыльнувшись, наставил на Егора палец, делая вид, что стреляет из пистолета.

– Я тебя вижу, – произнес он одними губами, и сердце Егора опустилось в живот, а страх сжал мошонку ледяной хваткой.

Это был тот самый полицейский, что вышел из служебного помещения на станции «Щелковская».

– Что случилось? – спросила девушка чуть дрогнувшим голосом. – Ты побледнел. У тебя все хорошо?

– Нет. У меня все крайне плохо. Вставай, нам надо как можно быстрее найти выход отсюда.

Егор поднялся, озираясь в поисках дверей, и увидел стоящего у входа на кухню мясника. Убийца снял фартук и переделся, смыл кровь с лица и заклеил пластырем рану, остав-

ленную разводным ключом, но по-прежнему сжимал в руке огромный двухсторонний крюк. Мужчина восхищенно смотрел на стоящую, на сцене женщину, прислонившись спиной к стене.

– Он здесь, – Егор сел обратно, лихорадочно соображая, как им быть.

– Кто? Маньяк?

– Да. Но пока не видит нас.

– Может мы ему уже не интересны? – предположила девушка в пол-оборота следя за мужчиной.

– Хотелось бы верить? Но что, если он и не хотел нас убивать? Что если его целью было заманить нас сюда.

– Глупость какая, – фыркнула Татьяна.

Женщина сняла микрофон со стойки и взяв его в руку спустилась в зал.

– Итак, господа! Позвольте поздравить вас с очередной годовщиной нашего маленького сообщества. Ровно восемьдесят лет назад произошло то событие, которое послужило толчком к появлению всех нас. Это было тяжелое время. Время голода и лишений, но мы смогли выжить и стать сильнее. Мы обрели власть, а власть обрела нас. По-другому быть не могло. Ибо высшее проявление власти – это возможность съесть своего вассала. А высшее проявление любви – это насилие.

Правее от полицейского сидела еще одна пара, отличавшаяся от остальных своим возрастом – девушка большими

пальцами обеих рук, со скоростью которой позавидовала бы опытная секретарша, безостановочно печатала на виртуальной клавиатуре смартфона и лишь изредка бросала взгляды на сцену. Её спутник со скучающим видом пил шампанское, растекшись по стулу, до неприличия широко разведя ноги и демонстрируя всем свои посеревшие носки, выглядывающие из-под манжет спортивных клетчатых брюк.

– Я видел их раньше, – произнес Егор. – Они были в переходе. Я позвал их на помощь, но они не обратили на меня никакого внимания.

– Нам надо незаметно выбраться отсюда, – взгляд девушки заметался по залу. – Мне все это не нравится.

– Господа! Дамы! Я вижу ваше нетерпение. И поэтому не буду вас томить. Правом, данным мне нашим отцом, я объявляю ночь пожирателя наступившей! Приятного всем аппетита! И честь первой трапезы, как всегда, предоставляется нашему основателю, нашему любимому папочке.

Гости вскочили с мест. Некоторые засвистели, другие засмеялись, большая часть радостно аплодировала.

Под шквал рукоплесканий два официанта с каменными, словно вытесанными из цельного куска гранита, лицами, вывели на сцену сморщенного скрюченного старика. Он оглядел всех мутными слепыми глазами.

Вернувшись на сцену, ведущая взяла его под руку и продолжила речь.

– Вспомним книгу Герберта Уэллса и признаем, – в чем-

то он оказался пророком. Мы – все, кто собрались здесь – морлоки этого мира. Мы – настоящая сила. Лишь настоящая сила не нуждается в признании, только настоящая сила скрыта от любопытных глаз.

Мясник оторвался от стены и направился к сцене, неся перед собой ведро с человеческими потрохами.

Старик закрутил головой. Его ноздри расширились. Он жадно втянул в себя воздух и распахнул беззубый рот. По подбородку медленно потекла густая слюна. Один из официантов вытер его лицо бумажной салфеткой, второй поцеловал в окруженное редкими длинными волосками лысое темя. Вместе они бережно опустили старика на пол.

Лысый бугай поставил перед ним ведро и, почтительно склонив голову, отошел в сторону. Старик с удивительным проворством пополз вперед. Впившись бледными пустыми деснами в край ведра, он опрокинул его на бок – содержимое вывалилось на пол, кишки, будто змеи, расплзлись в стороны, сердце откатилось к ногам ведущей, а густая кровь медленно потекла к краю сцены.

Гости пришли в неистовство. Сорвавшись с мест, отгалкивая и давя друг друга, они ринулись к сцене беснуясь и завывая.

Старик упал лицом в требуху, схватив ведро узловатыми кривыми пальцами. Давясь и отрывая, чавкая и рыча, он заглатывал преподнесённые ему человеческие внутренности, в то время как ведущая возвышалась над ним с выра-

жением крайнего умиления и удовлетворения.

– Меня сейчас... – Татьяна согнулась и ее вырвало прямо на позолоченную скатерть.

Несколько человек обернулись в их сторону. Егору показалось, что они набросятся на нее, повалят на спину и, пока она будет прикрывать от них свое лицо, вонзят зубы в незащитный живот.

Он подхватил ее и в этот момент увидел, как правее сцены открылась неприметная дверь, в которую вышел один из двух официантов. В тот краткий миг, что створка была широко распахнута, Егор различил часть холла, ступени и выход на улицу. За еще одной стеклянной дверью в лучах фонарей блестел мокрый асфальт, и перемигивалась неоновая реклама на доме напротив. Он даже успел прочитать часть надписи «... овский 24/7».

– Я вижу выход, – прошептал Егор и повел девушку вдоль стены. – Соберись.

Они с трудом сдерживали шаг, чтобы не привлекать лишнее внимание.

Тем временем мясник спустился со сцены и выволок в зал труп Сергея. Он вновь одел забрызганный кровью фартук и, сжав в руках огромный плоский нож с длинной загнутой ручкой, принялся рубить. Отделяя очередную часть тела, он бросал ее в полностью лишившуюся рассудка толпу. Дамы, с растрёпанными волосами, задирая подолы платьев, расталкивая друг друга, прыгали, пытаясь первыми схватить

кровавые куски еще в воздухе. Их кавалеры, убеленные сединами, рвали друг на друге дорогие костюмы, отгаскивая соперников от катающихся по полу пальцев. И над всеми ними усиленный десятками колонок, висевшими по периметру зала, раскатисто клокотал хохот ведущей.

Смеясь, женщина поддерживала вставшего на ноги старика. И, странно, но, он больше не выглядел немощным и больным. Измазанный кровью, улыбаясь крохотными, неизвестно откуда появившимися идеально ровными зубами, старик смотрел на Егора. С его глаз спала мутная дымка, они стали ясными и пронзительно синими. Он что-то сказал женщине и указал на них багровым пальцем.

– Быстрее, – Егор схватил спутницу за руку. – Бежим.

Ведущая заметила их.

– Я знала, что ты будешь с нами! – крикнула она. – Ты не представляешь, как я рада этому, брат. Скорее поднимайся к нам и воссоединись со своей семьей!

В метре от дверей, перед ними неожиданно возникли огромные официанты, лишь чуть уступавшие в размерах амбалу мяснику. Вывернув руки и заставив согнуться, Егора выволокли на сцену и швырнули к ногам женщины.

Протянув раскрытую ладонь, она помогла ему подняться.

– Ты не ушибся, милый? Ребятки иногда слишком усердны. – И, обернувшись к официанту, продолжила, указывая на Татьяну. – Павлуша, проследи, чтобы мясо не сбежало.

Официант, обхвативший и сдавивший руками девушку,

хмыкнул. Впервые за весь вечер его лицо дрогнуло и губы расплзлись в призрачной ухмылке.

– Поприветствуй своего отца, дорогой. – Она подтолкнула Егора к старику.

– Что за бред, – растерянно пробормотал Егор. – Я знаю своего отца и это не ваш жутковатый дед.

– Ох, лапонька, все это время, тех, кого ты знал, как своих родителей были просто нанятой нами приемной семьей. Настоящая твоя семья это мы. Ты – один из нас. Так было и так будет всегда.

– Пришло время тебе воссоединиться с нами, – сказал старик, на удивление бодрым и молодым голосом, – Ты должен съесть свое первое мясо.

– Какое мясо? Я уже ел сегодня мясо.

– Нет. Человеческое мясо. То, которое ты так любезно доставил нам.

– Ее, – она ткнула пальцем в Татьяну и крикнула в микрофон. – Внимание! Дамы и господа!

Люди перестали драться за части тела, разбрасываемые мясником, и обернулись к ней.

– В наших рядах пополнение! К нам вернулся мой младший братик. И вернулся не с пустыми руками, а с подарком! Со свежим мясом! Давайте поприветствуем Егорку!

Толпа загудела. Раздались одобрительные и приветственные возгласы. Мясник, гонявшийся за ним по «Щелковской», подошел к сцене и протянул Егору свой огромный

нож.

– Бери, – женщина подтолкнула его. – Не стой как истукан. Не расстраивай папочку.

– Вы все тут нормальные, а? Я не буду убивать ее!

Егор попятился, но старик обхватил его плечо и крепко сдавил пальцами, которые несколько минут назад искривлялись и уродовали артритные шишки.

– Послушай, фраерок. Расклад тут простой. Если не убьешь ты, это сделаем мы, – зашипел он, приблизив свое лицо к лицу Егора, и парня замутило от смрадного с ароматом гнили дыхания старика. – А потом убьем и сожрем тебя. Я доходчиво изложил ситуацию.

Егор сглотнул вязкую слюну.

– Более чем, папаша.

– Ну, так хватай топор и делай то, что должен. – Он подтолкнул его к мяснику.

Огромный нож, оказался на удивление легким. Он занес его над головой и обернулся к Татьяне. Девушка стояла на коленях, поддавшись вперед и низко склонив голову. Огромный официант, которого женщина в красном, назвала Павлом, завел руки девушки за спину и, довольно ухмыляясь, выжидающе посмотрел на Егора.

– Почему ты молчишь? – спросил ее Егор севшим голосом: горло сдавил спазм боли и отчаяния. – Пожалуйста, сопротивляйся. Или хотя бы рыдай.

– Я мясо, – тихо ответила Татьяна. – Всегда была им. Мясо

покорно и всегда принимает право господ нарезать его на кусочки.

Старик стоял левее него. Егор смерил расстояние и опуская топор чуть отклонился и развернувшись всем корпусом вонзил нож в его грудь. Чавкнула хлипкая плоть, хрустнули раздробленные кости. Не останавливаясь, он выдернул широкое лезвие и нанес второй удар уже в область шеи.

Голова старика дернулась и откинулась на спину, повиснув на не до конца перебитых позвонках. Женщина, называвшая его своим братом, взвизгнула и подхватила дергающееся в предсмертном танце тело. Хлещущая из порванной аорты кровь забрызгала ее лицо – будто натянула на нее красную маску.

Официант бросил Татьяну и отошел на несколько шагов. Девушка распрямилась ошарашено озираясь.

– Беги, – крикнул ей Егор. – Беги я задержу их!

Она спрыгнула со сцены и скрылась за дверь.

Толпа впервые за все время безмолвствовала. Мясник стоял у сцены со спокойным и равнодушным видом. Официант Павел, скрылся в тени портьеры. Его новоявленная сестра бережно положила тело отца и обернула к Егору заплаканное лицо.

– Ты сделал это, братик, – сказала она и улыбнулась ему сквозь слезы. – Всё-таки сделал. Убил своего отца.

– Ты сама говорила мне, сестрица, что в мире нет predetermined дорог.

– Я лгала, – она обняла его и прижала к себе. – А ты поверил, дурашка?

– Ты о чем?

Она поправила сбившееся красное платье, переливавшееся блестками в свете огромной люстры, и крикнула в микрофон.

– Отец умер! Да здравствует отец!

10

Татьяна брела в темноте по улице, огибающей Гольяновский пруд. Моросил нескончаемый дождь. Огни жилых домов остались за спиной, растворившись в ночном тумане. Редкие фонари походили на толстощекие одуванчики с наклонностями нарциссов. Согнувшись над лужами, они любовались своими отражениями и недовольно покачивались, когда отражения раскалывались и разлетались брызгами из-под ног девушки.

Она пыталась вспомнить, что произошло с ней в метро и понять, как она оказалась так далеко от дома, но в ее сознании не было ничего кроме звенящей и гулкой пустоты. Внутри, затмевая взор, искажая и искривляя пространство, пульсировала одна единственная мысль – яркая, мигающая, будто неоновая вывеска показавшегося впереди ресторана кавказкой кухни.

Эта мысль была: Я – ПОКОРНОЕ МЯСО.

11

Он вошел в первый вагон последнего ночного поезда и,

сев напротив дверей, поставил саквояж себе на колени. Два подростка оторвавшись от «айфонов» с кривыми ухмылками оглядели его черный простой костюм и бритый череп. Склонив головы, они заговорщицки зашептались, время от времени издавая короткие смешки и косясь в его сторону.

Проходящая по пустой платформе молодая женщина, с волосами, убранными в неопрятный пучок, бросила на него быстрый взгляд и чуть заметно кивнула; почти в тот же момент во внутреннем кармане завибрировал мобильный телефон.

Егор прочел короткое сообщение, состоящее из двух слов. Увидев его старую кнопочную «нокию» подростки захихикали уже не таясь. У них не было никакого почтения к старшим, как и у всего поколения, не заставшего голода и разрухи. Их нежные пальчики нажимали на сенсорные экраны гаджетов, оставляя жирные следы, но их жизни пройдут бесследно и уже завтра о них никто не вспомнит.

Так ли уж это важно?

Для них – нет.

А если так, то разве кто-то сможет меня укорить? Как говорится: *suum cuique tribuito* – каждому свое отдавайте.

Двери вагона сомкнулись.

Открыв чемодан, Егор извлек из него любимый нож для разделки свиных туш.